

Л Ъ Т О П И С Ъ .

Памяти С. И. Коржинскаго.

Мнѣ уже давно была извѣстна суть болѣзни Сергѣя Ивановича, но, какъ и многихъ другихъ, меня поразила его смерть, представлявшаяся мнѣ чѣмъ-то несвоевременнымъ и, если можно такъ выразиться, совершенно нелѣпымъ. Вѣдь умеръ именно тотъ человекъ, которому нужна была еще долгая жизнь для рѣшенія весьма важныхъ принятыхъ имъ на себя задачъ и для выполненія многихъ и большихъ работъ...

Еще только истекшимъ лѣтомъ Коржинскій въ дружескомъ собесѣдованіи развивалъ передо мною свои планы и предположенія. Онъ говорилъ, что повѣзку его въ Астраханскую губернію, для осмотра сыпучихъ песковъ, можно считать его послѣднимъ путешествіемъ. Въ предшествовавшихъ повѣзкахъ—говорилъ онъ—добыто уже столько матеріаловъ, что на разработку ихъ потребуется вся его оставшая жизнь. Начиная съ нынѣшней зимы онъ и предполагалъ заняться этою разработкой. Можно было быть увѣреннымъ, что онъ выполнялъ-бы свои планы, потому что во всю свою жизнь онъ никогда не дѣлалъ необдуманныхъ предположеній. Да и невозможно было-бы представить его себѣ вдругъ охладѣвшимъ и потерявшимъ интересъ къ той наукѣ, которой онъ всецѣло отдался. Но явилась смерть и разбила всѣ предположенія Огромная энергія, потраченная на изслѣдованія, оказалась напрасной. Стройно подобранные матеріалы превратились въ безформенную, безпорядочную кучу. Погибло знаніе, погибъ глубокой умъ, погибла невѣроятная любовь къ труду.

Невольно задаешься вопросомъ: чѣмъ былъ бы Коржинскій черезъ пятнадцать-двадцать лѣтъ, если-бы смерть такъ некстати не вмѣшалась въ дѣло. Уже и теперь Коржинскій былъ признаннымъ, первокласснымъ ученымъ, мнѣніемъ котораго дорожили другіе ученые, со взглядами котораго считались самые видные представители науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ числѣ еще очень немногихъ онъ составилъ-бы славу и гордость Россіи, повторяю—*никакого сомнѣнія*, по той простой причинѣ, что ничего иного не могло быть. Этому могла помѣшать только умственная инвалидность или смерть, какъ это дѣйствительно и случилось. Въ качествѣ характеристики этого великаго ума я могу указать хотя-бы на то, что Коржинскому удалось поколебать знаменитую теорію Дарвина и происхождение видовъ, и взамѣвъ ея дать *свою* теорію. Теорія Дарвина до самаго послѣдняго времени безраздѣльно царила во всемъ ученномъ мірѣ. Она, какъ и самый Дарвинъ, считалась великою; никому не позволялось сомнѣваться въ ея справедливости, никому не разрѣшалось касаться ея, какъ священнаго предмета. Но Коржинскій не побоялся низвергнуть ее съ пьедестала, и я не сомнѣваюсь, что еще черезъ нѣсколько времени она будетъ всеми оставлена. Если до сихъ поръ *теорія Коржинскаго* еще не принята, то лишь потому, что съ ея возникновенія прошло слишкомъ мало времени, человечество-же неохотно разстается со своими старыми кумирами.

Есть много такихъ ученыхъ, которые всю жизнь занимались собираніемъ мелкихъ фактовъ и разработкою мелкихъ вопросовъ. Это не мѣшало и не мѣшаетъ имъ пользоваться уваженіемъ и извѣстностью среди ученаго міра. Какого же уваженія заслуживаетъ Коржинскій съ его широкимъ кругозоромъ, съ его ясностью и глубиною ума!

Немногія эти строки я написалъ лишь затѣмъ, чтобы показать людямъ, мало знакомымъ съ личностью Коржинскаго и его трудами, чего мы лишились съ его смертью. Напомню, что первые шаги Коржинскаго какъ ученаго были сдѣланы въ Астрахани, гдѣ онъ родился и учился. Его послѣднее путешествіе было произведено также въ Астраханскомъ краѣ. Такое совпаденіе въ связи со всеміи остальнымъ, мнѣ кажется, дѣлаетъ насъ обязанными почтить память его чѣмъ-нибудь существеннымъ. Я полагаю, что это лучше всего было бы сдѣлать основаніемъ стипендіи имени покойнаго въ астраханской гимназіи или въ казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился. Устроить подписку могло бы одно изъ нашихъ ученыхъ обществъ, и думаю, что найдутся люди, которые откликнутся на призывъ.

И. Деминскій.